Об
150
Ф62

Проф. Н. Н. Фирсов.

947 Р6.
Ф-61
КАБИНЕТ ЛЕНИНА

РАЗИНОВЩИНА,

КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

4-е издание.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
647873

18-я Типография М. Г. С. Н. Х. (бывш. Вильде).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Этюд, предлагаемый вниманию читателя третьим изданием,—не что иное, как публичная лекция, прочитанная в Казани в пользу фонда просвещения деревни хорошими книжками—в 1905 году (19 декабря). Тогдашний момент исторической жизни и самая цель чтения определили выбор исторической темы и установление связи ее с соответствующими явлениями современности, при коих не все могли быть отмечены тогда без серьезной опасности для лектора. В настоящее время в „заключении" лекции можно было бы сказать гораздо больше; но прочитанная и напечатанная лекция—почти то же, что письмо, которое чрез 15 лет, по его написании и отсылке, нельзя же исправлять и дополнять для печати. Разумеется, лекция могла бы выиграть в подробностях и, пожалуй, обстоятельности, если бы сейчас я ее существенно дополнил, но она несомненно проиграла бы в целостности освещения и в искренности тона, да и вообще не была бы уже когда-то прочитанной лекцией с печатью определенной индивидуальности момента и настроения, а была бы просто новой исторической статьей. Я предпочитаю оставить ее в прежнем виде—некогда прочитанной лекцией, без дополнения ее фактами и штрихами. Что сказал в свое время, то сказал.

Н. Ф.

Вступительные замечания.

Разиновщина—это одно из самых крупных и самых острых проявлений народной оппозиции тяжестям политического режима и социального быта в Московском государстве.

Эта оппозиция в сущности была непрерывна и в своей хронической форме выражалась в бегстве наиболее непримиримых индивидов из названного государства. Эмиграционный поток сначала разливался преимущественно по рекам юго-восточной окраины, а позднее перелился и за Урал и ко 2-й половине XVII стол. дошел до берегов Тихого океана.

Дон был самым старым и наиболее влиятельным центром эмиграции из Московского государства, все равно, как низовье Днепра с давних пор привлекало выходцев главным образом из Польши. Все эти беглецы считали себя вольными людьми, назывались казаками, и если признавали власть—одни московского царя, другие польского короля, то делали это по доброй воле, а не по принуждению. Быстро развивавшееся казачество внушало Москве и Варшаве серьезные опасения, и эти опасения были вполне основательны.

Запорожское казачество в XVII ст. подняло всю Малороссию против Польши и тем нанесло ей

смертельную рану, которая в конце следующего столетия и свела Речь Посполитую в политическую могилу. Часть донского казачества в том же XVII столетии, хотя и несколько позднее, подняла против Москвы нисшие классы населения, сильно потрясла государство и, если и проиграла эту ставку, то все таки не сочла своего дела окончательно погибшим...

Во второй половине XVII столетия казачество было большой силой, несмотря на поражение его под конец великой смуты на Руси в начале этого века. Да и странно было бы думать, что можно было совершенно сломить и навсегда придавить казачество тою победою, которую одержали над ним в смутное время консервативные, домовитые, так сказать, буржуазные элементы русского народа. Раз восторжествовал прежний политический и социальный порядок, то остались и прежние причины хронической оппозиции этому порядку, которая по старому вела к пополнению казачества беглецами, готовыми при случае снова начать открытую борьбу с покинутым ими государством и с его высшими классами.

Какие же причины постоянной, хронической оппозиции народных масс? Этот вопрос неизбежно заставляет нас взглянуть на те условия, под действием которых приходилось жить русскому народу в XVII столетии.

I.

Общие политические и социальные условия жизни в Московском государстве, подготовившие недовольство в нисших классах народа.

Смутное время в начале XVII столетия, бывшее главным образом проявлением борьбы нисших классов населения против высших, не могло не усилить социальной розни между ними, классовой вражды. После Смутного времени этот процесс отношений продолжал развиваться в значительной степени под давлением внутренней политики правительства и административного произвола его органов. Разоренная смутой казна предъявила обнищавшему народу непосильные требования, тяжесть которых администрация сумела еще увеличить; на нее-то, на бояр и приказных, прежде всего и обрушивалась классовая вражда неимущих к имущим, „маломочных“ к сильным. Чтобы оценить по достоинству интенсивность правительственных требований с населения, стоит только прочитать, например, следующее объяснение сборщика, недоста-

точно, по мнению власти, энергичного в своей деятельности по взиманию „государственных доходов“: „Я, государь, — оправдывался он,— посадским людям не норовил и сроков не даю, пока не было вестей о литовских людях, то я правил на них твои государевы всякие доходы нещадно, побивал на смерть...“ Часто это побивание на смерть плательщиков шло гораздо дальше тех пределов, в которых оно было желательно самому правительству, как высшее выражение служебного усердия сборщиков. И так как эта система выбивания из народа средств преследовала во многих случаях не столько интересы казны, сколько личные интересы правительственных агентов, то неудивительно, что иногда за население вступался сам царь. „Известились мы, — читаем мы в грамоте 1620 года,—что в городах воеводы и приказные люди наши всякие дела делают не по нашему указу, монастырям, служилым, посадским, уездным, проезжим всяким людям чинят насильства, убытки и продажи великие, посулы, поминки и кормы берут многие“.

Вообще, документы ясно показывают, что народу плохо жилось и от непосильных требований государства, и от злоупотреблений алчной администрации—воевод и приказных. Народ плохо различал эти два давления, и в его представлении они сливались в одно притеснение от „бояр“ и вообще от всяких сильных людей, вотчинников, помещиков и крупных купцов. С увеличением требований со стороны государства увеличивались обыкновенно и злоупотребления воевод и приказных; отсюда, вполне естественно, увеличивалась и

социальная рознь между верхами и низами общества, обострялись враждебные чувства последних к первым. Многочисленные, обращенные к царю, просьбы „оборонить“ „меньших“ от сильных с течением времени стали обнаруживать тенденцию переходить в более активный протест.

Такой оборот дела, разумеется, вовсе не входил в виды высшего правительства, и вот царь повелевает „приказным своим людям“ „оборонять“ население „от бояр своих и от всяких людей“. К чему вела такая царская политика? Конечно, лишь к тому, что еще более обостряло вражду низших классов к высшим: враждебное чувство к боярам и другим сильным людям переходило в жгучую ненависть, готовую при всяком удобном к тому случае проявиться в открытом стремлении всех обездоленных и обремененных отмстить народным притеснителям. В числе последних были и те, которым царь великодушно поручал защиту населения от бояр, т. е. приказные, — ядро московской бюрократии, сделавшейся ко 2-й половине XVII столетия самой влиятельной силой в управлении страной. К этому же времени царь и его бояре, с коими раньше он враждовал, начали действовать рука об руку, стоя „на верху“ бюрократической лестницы. Скоро наиболее проницательные из народной среды стали понимать, что фактически государственное управление ведется не столько самим царем, сколько близкими к нему боярами. Так, после московского мятежа 1648 года, в народе говорили: „Государь молодой и глядит всё изо рта у бояр Морозова и Милославского; они всем владеют, и сам государь всё это

знает да молчит". В этом и причина, почему „мир качается", как выразился агитатор, мнение которого о наличном значении царя в правительстве мы сейчас привели. Действительно, в начале царствования Алексея Михайловича во многих местах государства произошли мятежи: в Москве, в Устюге, в Сольвычегодске, в Новгороде, в Пскове... На северо-западной окраине, в Новгороде, где исторические воспоминания, особенно массовые казни Ивана Грозного, не содействовали размышлениям о личной благожелательности царя по отношению к народу, материальные беды приписывались прямо самому главе московского правительства: „государь о нас не радеет, — кричали здесь, — деньгами помогает и хлебом кормит немецкие земли". „Мир качался", правительство боялось „мира". Такое настроение обеих сторон не обещало ничего доброго и в будущем. Так и было: отмеченные отношения, при неизменности общих причин, продолжали развиваться в том же направлении. В 1648 и ближайшие годы мятежи были вызваны требовательной финансовой политикой,— увеличением налогов, особенно повышением налога на соль и злоупотреблениями сильных людей; мятеж в 1662 году возник в силу тех же причин: к тяжестям податей, к взиманию с торговых людей пятой деньги, к неудачной финансовой операции правительства с медными деньгами опять присоединились казнокрадство и бесчисленные притеснения от придворных и приказных людей, действовавших рука об руку с ненавистными народу мироедами — „гостями" (крупным служилым купечеством), и мир опять закачался... Но и на этот раз,

как в начале царствования Алексея Михайловича, закачался мир городской, мир посадских и мелких, рядовых служилых людей. Сельский мир был пассивнее: чтобы и ему подняться, еще не пришло время. Тем не менее городские мятежи, будучи выражением общего недовольства, в свою очередь, несомненно усиливали оппозиционное настроение во всей стране. Ведь город XVII столетия по складу своей жизни, даже по занятиям жителей, очень походил на большое село. Бунтуя против властей, город не стремился к чему-нибудь выходившему из сферы понимания и воззрений села; да он и не мог выставить какие-либо непонятные крестьянству требования. Духовное состояние города и села было приблизительно одинаково, „чин" жизни того и другого был одного типа. Город, как административный и торговый центр, был только чувствительнее к несовершенствам управления и к экономическим тягостям жизни; но хлопотал он лишь о том, чтобы в конец не погибнуть, и это-ли могло быть непонятно селу! И так, городские мятежи и то, как отвечало на них правительство, не могли не влиять на сельскую, деревенскую Русь... Отлагаясь на психике населения горькими и скорбными чувствами, городские мятежи и правительственная расправа с волнующимися мало-по-малу создавали в коллективной душе народа то смутное, безысходно гнетущее состояние, охваченные коим люди вообще не могут ручаться за свои поступки, то настроение, которое, при известных условиях, толкает народные массы на открытую, отчаянную борьбу с правящими слоями и государством. В самом деле, стоит только вникнуть, например, в

трагический смысл московско-коломенских событий 1662 г., чтобы уяснить себе тот психологический путь, коим народ постепенно подходил к такой грандиозной драме, как движение масс по почину Стеньки Разина с товарищами. Вот на что в мятеже 1662 года следует обратить внимание. Черный и мелкий служилый люд, выведенный из терпения правительственным и административным гнетом, большой толпой пошел из Москвы в Коломенское, где тогда жил Алексей Михайлович, дабы указать ему на виновников своих бед, на „изменников", и просить на них управы. Толпа была без оружия, но шла с криком и шумом и сильно перепугала царское семейство, застигнутое, повидимому, совершенно врасплох. Сам „тишайший" принужден был от обедни выйти к народу и начал его уговаривать „тихим обычаем" возвратиться в Москву, обещая при этом „в том деле" об изменниках, с которым толпа пришла к нему, „учинить сыск и указ"; но народ не отпускал царя, некоторые держали его „за платье, за пуговицы" и с сомнением спрашивали: „чему верить?" Царь побожился, „дал им на своем слове руку", а один из челобитчиков ударил с ним по рукам, и после того толпа направилась в Москву. Начав успокоение волнующихся этим трогательным рукобитьем, Алексей Михайлович не выдержал до конца взятой им на себя благодарной роли, и успокоение завершилось иначе,—так, как было принято в подобных случаях. Толпа народа вскоре снова явилась в Коломенское и гораздо в большем количестве, чем только-что пред тем ушедшая отсюда. Дело в том, что толпа, ушедшая из Коломенского, на дороге

встретилась с новой толпой, шедшей в Коломенское, соединилась с ней и пошла туда-же. На этот раз толпа настойчиво и с угрозами требовала выдачи тех, которых народ считал главными виновниками своих бед, а это были — тесть царя Илья Данилович Милославский, Иван Михайлович Милославский, сокольничий Ѳедор Михайлович Ртищев и гость Шорин. „Царь,— рассказывает Котошихин, — отговаривался, что он для сыску едет в Москву".

— Не дай погибнуть напрасно!—слышалось из толпы. Более возбужденные стали кричать:—Буде добром тех бояр не отдашь, то мы станем брать их у тебя сами, по своему обычаю.

В ответ на это, по приказанию „тишайшего", последовал вооруженный натиск стрельцов и придворных чинов на безоружную толпу, которая к тому же в громадном большинстве состояла из людей, по показанию современника Котошихина, „невинных", из любопытствующих зрителей, а не из активных участников в „гиле"; последних было ничтожное меньшинство—не более 200 человек, тогда как перебили и забрали свыше 7000 человек, да потонуло, при бегстве, в реке больше 100 человек; 150 человек было повешено около села Коломенского в тот же день, потом, „по указу,—свидетельствует тот же современник,— пытали и жгли и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук пальцы", а иных били „кнутьем" и до-красна раскаленным железом выжигали им на правой стороне лица „буки, то-есть бунтовщик, чтобы был до веку признатен"; по наказании, эти несчастные были сосланы в дальние города: в Казань, в Астрахань, на

Терки, в Сибирь,—„на вечное житье"; сверх всего перечисленного, наиболее, по мнению правительства, виновные в мятеже были потоплены в Москве-реке, в ночь после происшедшего в Коломенском [1])... Спокойствие было восстановлено. Но, увы, как везде и всегда, недовольство народа своим положением нельзя было уничтожить и тогда, в Московском государстве XVII столетия, уничтожением тех недовольных, которые отважились итти к царю с просьбой и даже с требованьем, нельзя было выстрелами, застенком, виселицами, потоплением заставить народ со смирением относиться к обидам от сильных властью и капиталом людей. Само собой понятно, коломенская расправа только усилила оппозиционное настроение в народных массах, чему могли содействовать и сосланные ее жертвы... Эмиграция в привычном, юго-восточном, направлении пошла более быстрым темпом...

Для такого переселенческого движения, производившегося безостановочно и усилившегося в 60-х годах XVII столетия, кроме финансовой политики и бюрократической системы управления со всеми ее московскими особенностями, осложнениями и последствиями, была и социальная причина первостепенной важности: это ускоренными шагами пошедшее в XVII столетии закрепощение народа, получившее полную юридическую санкцию в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича. Хотя это Уложение соборное, т.-е. было утверждено, а отчасти и вырабатывалось на земском соборе 1648—

---

[1]) Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3-е, стр. 114—117.

49 гг., тем не менее оно не было выражением мнения и воли всей русской земли. Уложение было созданием правительства — с одной стороны, служилого и торгово-промышленного классов русского общества—с другой. Главное, чего добивались чрез своих представителей эти классы, это—материальные выгоды для них самих. Кроме освященного собора, т.-е. собора высшего духовенства, государевой думы, этих необходимых элементов всякого земского собора, на соборе 1648—1649 гг. только названные классы и были представлены [1]). Оба эти класса, сетуя чрез своих представителей на привилегированное положение и произвол высшего духовенства, знати и администрации, сами добивались для себя таких условий, которые возможно лучше отвечали бы их собственным классовым интересам. В силу влиятельного положения этих классов, правительство было склонно не оставлять без удовлетворения челобитий от служилых—помещиков и от торгово-промышленного слоя. Собор 1648—49 гг. был едва ли не самым замечательным проявлением влияния средних классов общества на правящую бюрократию в Московском государстве XVII столетия. Результатом этого влияния и было проведение в Уложение законоположений, серьезно обеспечивавших материальные интересы дворян и купцов. Для нашей цели достаточно указать на окончательное закрепощение Уложением крестьян-

[1]) В этом отношении собор 1648 — 1649 гг. не был исключением: выборные от крестьян были только на о д н о м соборе, именно на избирательном соборе 1613 года, если не считать за земский собор комиссии из тяглых людей 1682 года.

ства, разумеется,— в интересах служилого дворянства, и на удаление торгующих крестьян из посадов, — понятно — в интересах посадского торгово-промышленного люда. Помещик и купец были господами положения на соборе 1648 — 49 гг.; но, конечно, на первом плане пред лицом царя и его правительства стоял помещик, представитель главной военной силы государства. Ради именно этой силы, Уложение не признает ни собственности, ни личности крестьянина. С крестьянином владелец мог сделать все, что угодно, ибо, по Уложению, крестьянин не имеет права жаловаться на своего господина: исключение из этого общего закона было установлено только для доноса о государственном преступлении; во всем же остальном владелец непогрешим пред лицом правительства, а крестьянин всегда виноват, какие бы насилия ни чинил над ним его владелец. Ясно, что к концу 1-й половины XVII века крепостное право на крестьян сделало столь большие успехи, что de jure ему уже некуда было итти дальше того, как оно было формулировано в Уложении царя Алексея Михайловича. Крестьянин почти уравнивался с полным холопом, а полный холоп по своему социальному положению в сущности был тем же, чем был раб ранней эпохи, и за это положение, в которое гнала его нужда, холоп, при случае, жестоко мстил своему господину...

После всего сказанного вполне понятно то обстоятельство, что главная масса народа, интересы которой были так попраны на земском соборе 1648—49 гг., которая даже в лице невладельческих крестьян лишена была возможности подать свой

голос на этом соборе, — не питала большой признательности ни к государству, принесшему ее интересы в жертву своим целям, ни к обществу, потребовавшему от государства этой жертвы в своих интересах. Так жизнь и политика создавали тяжелые условия существования для неимущего большинства, и оно, согласно самой природе вещей, ненавидя эти условия, отнеслось, когда подошло подходящее время, открыто-отрицательно и к той государственно-общественной организации, которая создавала многие из этих условий, и к тем лицам, и общественным классам, которые считались народом наиболее виновными в создании тяжелых условий жизни. Итак, резюмируя изложенное, мы можем сказать: внутренняя, в особенности финансовая политика и административный произвол, крепостное право на крестьян и произвол владельцев, узаконенные Уложением, — вот те основные причины, которые создавали невыносимую тяжесть жизни, обостряли недовольство правительством и господствующими классами в городе и селе; обострившееся недовольство усилило из того и другого побеги, вызвало мятежи, неумѣлое отношение к которым со стороны верховной власти еще более внесло смуты, вражды, темных и жестоких чувств в народную психику. Это — вообще. В частности же, в Поволжье была наиболее удобная почва для развития этих чувств. Здесь, главным образом на нижнем и среднем течении Волги, средств у государства для поддержания своего авторитета было мало, а произвола администрации и помещиков было больше, чем где-либо в остальной Руси. „... Около половины XVII столетия, — говорит из-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

вестный историк Поволжья проф. Перетяткович,— тягости, налагаемые на крестьян некоторыми частными землевладельцами в Поволжье, увеличились в несколько раз сравнительно с прежними". Сбродный состав русского поволжского населения и его настроение стояли в резком противоречии и с недостаточностью правительственной охраны, и с ничем несдерживаемыми аппетитами разного рода властных людей. Сверх того, Поволжье — страна инородцев, сравнительно недавно (по отношению к рассматриваемой поре) покоренных и потому особенно чувствительных к тяжелым фискальным требованьям московского правительства. В течение всего XVII века материальное положение инородцев не улучшалось, а ухудшалось при неусыпном содействии этому со стороны служилого люда. К тому же ко времени Никона инородцы перестали пользоваться веротерпимостью: так, началось насильственное обращение мордвы в христіанство. Словом, политические и социальные условия общей русской и местной поволжской жизни подготовили население юго-восточной, наиболее беспокойной, окраины к мятежному взрыву. Сам Разин с товарищами был продуктом тех же самых условий. Именно они, указанные выше условия, выбросили с легального общественного положения на тихий, синий Дон столь большое количество недовольных порядками и своею жизнью, неужившихся в государстве индивидов, что Дон переполнился бродягами со всей Руси, оказавшимися и здесь в положении лишних людей. Поневоле им пришлось собираться вместе и „думушку думать",

как выйти из своего почти безвыходного положения...

II.

Положение дел на Дону и начало здесь „воровского собрания".

Московскому правительству было хорошо известно, какое явление вызвали на Дону усилившиеся туда побеги. „Во многие донские городки,—читаем мы в одной грамоте царя Алексея Михайловича,—пришли с Украйны беглые боярские люди и крестьяне, с женами и детьми, и от того ныне на Дону голод большой" [1]). Вот в чем основная причина начавшегося „воровского собрания": на Дону голод большой. В грамоте точно указана и причина голода: на Дону скопилось слишком много пришлого люда.

Не забудем, что Дон принимал всех, даже преступников, и никого не выдавал. Обычай не выдавать беглых родился на Дону вместе с зарождением донского казачества и был первым устоем свободы и независимости этой своеобразной общественной группы. Этот, так сказать, основной закон неписанного, обычного казацкого права признавало и само московское правительство. Ведь оно, под видом государева жалованья, в сущности

---

[1]) Акты историч., т. IV, № 202, стр. 374.

платило дань владельцам тихого Дона и тем как бы санкционировало правомерность создавшегося на Дону уклада жизни. С другой стороны, и коренное донское казачество не любило ссориться с московским правительством, не потому, что его боялось, а потому, что для донцев была бы слишком неудобна остановка в привозе от „великого государя“ на Дон хлеба, вина, пороху, свинцу, одежды [1]). Во всем этом донское казачество очень нуждалось, особенно в хлебе, ибо Дон совсем не имел своего хлеба. Бывшие мужики, превратившиеся в воинов, не желали на воле быть земледельцами, и хлебопашество на Дону было запрещено под страхом смертной казни [2]).

При таком же положении дела на Дону хлебное жалованье государя московского не могло устранить здесь возможности большого голода, ибо оно не увеличивалось в той же прогрессии, в какой увеличивалось число кандидатов на него после окончательного закрепощения крестьян. Жалованье посылали главным образом для старого, коренного казачества, которое успело уже обжиться на Дону и сделаться домовитым, верхним слоем донского населения: в руках этого казачества собственно и находилась правительственная власть над всем Доном; но домовитое казачество, как уже сказано, было лишь частью всего донского казачества, это была казацкая буржуазия; другая его часть, не сумевшая или еще не успевшая приобрести прочное

---

[1]) Забелин. Посольские путешествия в Турцию в XVII стол. (Русская старина, XX, 1877 г., стр. 5).

[2]) Дружинин. Раскол на Дону, стр. 16.

материальное положение на Дону, представляла казацкую голытьбу; это была казацкая демократия, которая и являлась наиболее страстной, энергичной выразительницей настоящего казацкого духа и пользовалась наибольшим сочувствием народных масс.

Вышеотмеченные условия жизни в Московском государстве повели к тому, что именно эта часть донского казачества и стала увеличиваться с необыкновенной быстротой; конечно, царское жалованье, вообще довольно консервативное, не могло спасти Дон от голода, и голод и притом большой здесь возник...

Надо было как-нибудь выйти из отчаянного положения, в котором очутилось не мало бездомного, голодного люда на Дону. Единственное средство к тому виделось в организовании предприятия за добычей, или, по казацкой терминологии, за „зипунами“... Но вот беда: один знакомый казакам путь—на Черное море — был закрыт „учиненными от турских людей крепостями“,—оставался другой, не менее знакомый путь—на Волгу... Среди голытьбы началось сильное брожение и, как обыкновенно бывает в подобных обстоятельствах, у нее скоро нашелся и предводитель, свой атаман, Степан Тимофеевич Разин.

Что от „скудости большой“ на Дону голытьба надумала итти на Волгу, это отнюдь не скрывалось казаками и быстро сделалось известным московскому правительству. Так, на Волгу, в зимовье одного рыбацкого струга, пришли два казака, один с Дону, другой беглый крестьянин Шацкого уезда „и говорили, что будет воровское

собрание казаков весной, на Волге воровать“ [1]). Симптомы казацких намерений и брожения были настолько ясны, что даже тогдашний, вообще не очень дальновидный, воевода предусматривал „воровство“ весной на Волге и полную возможность этого мотивировал указанием на голод и многолюдство на Дону. Так и случилось.

„Воровское собрание“, организованное Разиным на Дону, потерпев неудачу в попытке пробраться на Черное море, сначала двинулось вверх по Дону; войсковой атаман Корнило Яковлев и другие казаки видели, как разинцы прогребли мимо их Черкасского городка; за разинцами была послана погоня, но их не нашли, а только „ведомо учинилось“ „всему войску“, „что де тот Стенька Разин с товарищами пошел на Волгу реку воровать“. Несколькими днями позднее Корнило Яковлев сообщил царицынскому воеводе Андрею Унковскому, „что тот Стенька с товарищами многие городки разоряют и грабят торговых людей и побивают“, сообщил и о том, что он, Яковлев, и всё войско посылали за ними в погоню и что „их не догнали“, но что они все-таки „велели собирать других погонщиков, чтобы того Стеньку из судов выбить“. Таковы были отписки донского казацкого старшины; видимо, ему и „всему войску“, т.-е. всей домовитой части донского казачества хотелось одного: чтобы Стенька с товарищами как можно скорее убрался с Дону куда-бы то ни было, хотя-бы на Волгу или на Яик, куда его звали,—лишь-бы освободиться от многих беспокойных голутвенных лю-

---

[1]) Акты историч., т. IV, № 202, стр. 375.

дей; почему совсем не в интересах администрации и буржуазии тихого Дона было догонять и задерживать собравшуюся шайку „воровских“ казаков. Каково было их количество, в точности не было известно; царицынский воевода посылал разведать о них и ему донесли, что воровские казаки и Разин еще „на Дону выше Паншина городка, меж Тишини и Ловлы рек, стоят на буграх, а около тех бугров вода большая и про них де подлинно проведать и сметить, сколько их человек и у них стругов и каковы струги, не мочно и языка у них поймать за большою водою нельзя“. Стороною было узнано, что всех разинцев „человек тысячу и больше, потому что к тем воровским казакам тайным обычаем многие люди уходят беспрестанно“ [1]). Таким образом, недостатка в желающих принять участие в дальнейших предприятиях этого „воровского собрания“ не было, и Разин двинулся на Волгу... И скоро там „мир“ „закачался“.

Отметив причины этого движения, мы теперь были-бы должны обратиться к повествованию о самом мятеже во всей его хронологической и прагматической последовательности; но мы воздержимся от такого повествования, во-первых, потому, что оно было бы лишь пересказом превосходных повествований о разинском возмущении Попова, Костомарова и Соловьева, а, во-вторых, — и это главное, — потому, что не в том заключается цель настоящей статьи. Мне хотелось-бы представить вниманию читателя опыт общей характеристики Разиновщины, как социологического явления

---

[1]) Акты историч., т. IV, № 202, стр. 376.

народной жизни, а к такой цели всего скорее ведет не пересказыванье сюжета, как-бы оно ни было подробно и занимательно, а изучение генезиса данного явления (что нами уже сделано) и наиболее важных сторон его социологической и психологической природы (что нам предстоит еще сделать в следующих главах).

III.

Общественные элементы, принимавшие участие в движении Разина, и район, захваченный этим движением.

Прежде всего пред нами вопрос о тех общественных элементах, которые приняли участие в движении Степана Разина.

Разумеется, первый элемент, как это видно из предыдущего изложения,—сами казаки, та их социальная категория, которая носила название голутвенных казаков. Эта категория по своему этнографическому составу, как и все донское казачество, представляла по преимуществу недовольную Великороссию, но в ней было немало представителей и оппозиционной Малороссии. Вообще следует помнить, что донское казачество составилось из бродяг всей Руси, как собственно из Московского государства, так отчасти из Украйны и За-

порожья [1]). Связь и притом тесная связь Дона с Запорожьем не подлежит ни малейшему сомнению. Да и как не быть этой связи, когда, как указывалось в одном московском статейном списке (от 1649 г.), и „православная вера одна и многие их (запорожцев) братья на Дону бывали и ныне есть, и на море для зипунов хаживали вместе, и хлеб-соль у великого донского войска едали". Сверх того, в составе населения донских городков было много черкасов, т. е. выходцев из Малороссии [2]). Неудивительно после этого, что во времена Разина запорожцы играли на Дону не последнюю роль. Так, партия в 400 человек двинулась с Дона на Куму с тем, чтобы потом с этой реки итти на Терек, к Гребенским казакам, а предводителем этой партии был запорожец Боба [3]). Это был один из обычных путей донских казаков на Волгу (чрез Каспийское море), другой путь на Волгу, это — тот, которым двинулся от Черкасского городка сам Разин,—вверх по Дону, а затем в самом узком месте водораздела волоком в Волгу. Разин понимал, какую значительную поддержку ему могут оказать черкасы. Не даром пред своим вторым походом на Волгу, поджидая возвращения из Москвы своих посланцев, Разин грозил соединиться с запорожскими и малороссийскими казаками, с Серком и Дорошенком. Есть известие, что будто-бы Доро-

---

[1]) Попов. Возмущение Стеньки Разина, „Беседа", т. I, стр. 67.

[2]) Дружинин. Раскол на Дону, стр. 34 и 35, Попов „Беседа", т. I, стр. 69.

[3]) Акты историч., т. IV, стр. 392.

шенко и Серко списывались со Стенькой и желали узнать, „в каком урочище сойтись вместе“ [1]). Во всяком случае одно несомненно, что Разин вступил в сношения с запорожцами, и из Сечи пришло к нему немало волонтеров [2]). Действительно, на Волге запорожцы оказались в числе наиболее энергичных сподвижников Разина и его донской вольницы. Официальный документ свидетельствует об этом с полной определенностью: так, город Царицын был взят не только Стенькой и „многими“ его „людьми“, но и соединившимися с ним... „запорожскими черкасами с полковником Ериком“, а после этого события черкасы участвовали в походе Разина на верховые города, следуя „по обоим берегам Волги в пешем и конном строю“, в то время, как сам Разин со своими казаками шел „водяным путем“ на стругах [3]).

Кроме отмеченной связи тихого Дона с Днепром, также несомненна связь его и с Яиком. Эта последняя связь была даже прочнее, ибо Яик был ближе по происхождению к Дону: Яик составился главным образом из великоруссов, из которых многие переселились на эту реку с Дона; Яик, следовательно, был младшим братом Дона и в эпоху Разина относился к своему старшему брату весьма почтительно. Так, когда у Разина еще не было славы, когда он только „собирался“ с голытьбою и обдумывал, куда бы итти за „зипунами“, с Яика

---

1) Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. Москва, 1857 г., стр. 194.

2) Попов, „Беседа“, т. II, стр. 20.

3) Материалы, стр. 238.

пришло к нему приглашение итти туда, к Яицкому городку—„воровать большими людьми“, „городок взять и учюг разорить, а самому сесть в том городке и, выходя из того городка, на море и на Волге воровать“ [1]). Разин так и поступил. Пограбив на Волге струги царя, патриарха, московского гостя, возбудившего в Москве народную ненависть к себе,—Шорина и других лиц, Разин явился морем в устье Яика и здесь был встречен поджидавщими его яицкими казаками. Яицкий городок был сдан Разину его доброхотами, а это обстоятельство и усиление вольницы атамана яицкими казаками и сделали возможным его смелый морской поход к персидским берегам. И так, если Запорожье помогло Разину во второй период его страшной деятельности, то Яик указал ему план действий и увеличил его „воровской“ авторитет в самом начале его атаманской карьеры.

Таким образом движение Стеньки Разина вскрывает пред наблюдателем весьма грозный факт солидарности казачества в его „воровских“ предприятиях. Казачество занимало обширные пространства нынешней южной и юго-восточной России, и такая солидарность уже сама по себе была достаточна, чтобы внушить московскому правительству и его агентам большие опасения и даже страх; но этого мало: солидарность была более глубокой; она обнаруживается не только между отдельными центрами казачества, но и вообще между всеми общественными элементами, стремящимися в казачество, способными моментально заразиться настоящим

---

[1]) Акты историч., № 202, стр. 376.

казацким „воровским“ духом. В самом деле, кого только не было в казацкой вольнице Разина! „Какая смесь одежд и лиц“: главная масса, как сказано,—великоруссы, потом малороссы, но здесь можно было встретить представителей и разных других народностей, — новокрещеных татар, ляхов и проч.

Социальный состав этой вольницы ясен уже из выше сказанного: говоря кратко, это было общество беглых холопов, крестьян, посадских и преступников, приговоренных к казни за „разбойные татины и иные дела“. Эти элементы указаны Котошихиным для всего донского казачества, но они, конечно, имели место и в разинской вольнице. После-же того, как Разин приобрел известность своими подвигами за Каспием и на Волге и, по заключении договора с московским правительством, вернулся на Дон, к нему потянулись гулящие люди толпами со всех сторон: и с самого Дона, и с Хопра, и с Волги. Большие шайки „голутвенных“ казаков начала вбирать в себя внушительная дружина Разина, скоро достигшая до 7000 человек [1]). Так, голытьба, рассеянная повсюду в обширном районе казачества, сконцентрировалась около Разина, и уход ее с Дона равнялся очистке этой реки от крайне беспокойного элемента. На Волге войско Разина пополнилось еще более разными бездомными людьми, волжскими судовыми рабочими и изменившими правительству стрельцами. Но при всех успехах по составлению своей казацкой

---

1) Котошихин, стр. 107; Попов, „Беседа“, т. I, стр. 68; Соловьев, История России, т. XI, стр. 403.

дружины, Стенька Разин сделался опасным московскому государству так же, как и Хмельницкий Польше, не своим казацким войском, а сочувствием народных масс борьбе, предпринятой казачеством. Сочувствовал Разину весь черный люд го́рода и села́ и, разумеется, местности, ближайшие к Дону и волжскому театру казацких воровских действий были, в силу этого сочувствия, всегда менее надежны в глазах правительственных агентов. Так, напр., настроение воронежцев и тамбовцев не внушало московским служилым людям ничего утешительного. „На тамбовцев,—писал один из воевод,—в нынешнее смутное время надеяться не на кого, потому что у них на Дону братья, племянники и дети, а иные у Стеньки Разина". В волжских городах, во время второго похода Разина на Волгу, ждали его с нетерпением, а уездные люди — кре́стьяне—шли к нему толпами, и таким образом казацкое войско воровского атамана существенно пополнилось многочисленными народными ополчениями. Кроме того, обширный край, взволнованный слухами об успехах Разина и его воззваниями, представлял сплошное зарево народного мятежа. Изучая источники, можно определенно выяснить состав бунтующих масс. „Приставальщики" к „воровскому" казацкому движению, как именуются здесь участники в нем из народа, это, по документам, — вообще „чернь"; но в тех-же документах имеются указания, из кого состояла эта „чернь". Это прежде всего городские жители из низов населения и сельские „мужики", главным образом, конечно, крестьяне, а этнографически это—русские и инородцы. Инородческое население бунтовало не

меньше, чем русское: поднялись чуваша, черемиса, мордва; в мятеже принимали также участие калмыки, башкиры и небольшими партиями татары. И достойно внимания то обстоятельство, что русские мятежники действовали рука об руку с инородцами.

Во главе бунтующей „черни“ стояли большею частью „воровские казаки“, атаманы и сподвижники Разина. Нижеследующая выдержка из официального сообщения об одном из эпизодов этого народного движения дает довольно точное представление и о составе мятежных банд, и об общей картине движения их на города. Это — эпизод из восстания в пределах так называемой Симбирской черты, где много было горючего социального материала для народного бунта и где поэтому он должен был приобрести наибольшую напряженность, и он на самом деле здесь разгорелся особенно сильно... 16-го сентября вечером „к Олатырю“, писал в Москву воевода действующего против мятежников отряда, кн. Юрий Долгорукий, „пришли воровские казаки, а с ними многие Синбирские Черты русские люди и Мордва, и Черемиса и Олаторского уезда Мордва-ж и крестьяне, и учали к острогу приступать и острожную башню зажгли и в острог вошли... и воевода Акинфей Бутурлин, острог покиня, бежал в рубленый город, а они из острогу в рубленый город не поспели, а ушли с Олатыря в лес и пошли подле реки и видели они, что от зажогу острожные башни рубленый город почал гореть весь“. Этот эпизод случился в самый разгар успехов главного вождя с его огромными народными ополчениями. Но вот

звезда Разина закатилась. Разбитый под Симбирском, он 1-го октября бежал вниз по Волге, а потом на Дон, предоставив ополчения астраханцев, саратовцев, алаторцев их собственной участи; тем не менее взволнованное народное море далеко не сразу успокоилось и волны его и после поражения Разина состояли из прежних элементов. Вот что в ноябре писал в Москву кн. Барятинский о положении дела: „Кузьмодемьянские-ж, государь, градские жители и уездные русские люди тебе великому государю изменили многие и ушли с воровскими людьми в Ядрин и воруют с ними за одно, а Кузьмодемьянского, государь, уезду нагорные стороны Черемиса вся ворует с воровскими казаками". К тому-же мятежные общественные элементы продолжали собираться в значительном количестве. Тот-же кн. Барятинский уведомлял, что, как выяснилось по допросам забранных воровских людей, в приходе 16-го ноября под Козмодемьянск с целью его взятия участвовали, кроме воровских казаков с атаманом Ивашкой Константиновым и со старшинами Ивашкой Васильевым, Пронкой Ивановым и Ивашкой Андреевым, „воровские русские люди" Алатырского, Ядринского, Курмышского, Арзамасского, Нижегородского, Цивильского Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов, стало-быть „уездные люди"—сельчане, затем градские жители г. Козьмодемьянска „с тысячу человек" и, наконец, инородцы тех-же уездов—„Чуваши и Черемисы с 12,000 чел.".

И так, изучение составных элементов бунтовавших во времена Разина народных масс приводит к установлению факта солидарности между во-

ровскими казаками, горожанами и сельчанами, а также между раздраженным и закачавшимся русским миром и таким-же инородческим. Если мы ко всему сказанному прибавим, что руководителями этого объединенного бедствиями и ненавистью русско-инородческого „мира“ были не только воровские казаки, не только все эти Ивашки, Проньки, Федьки, Савки, Васьки Усы, Шелудяки, но местами и попы, то социальный состав Разиновщины будет указан достаточно полно. При такой солидарности разных разрядов простого народа, при сочувствии движению, как со стороны всего простого народа, так и со стороны некоторых представителей белого духовенства, неудивительно, что Разиновщина захватила в свои страшные объятия все Нижнее и Среднее Поволжье и прилегающие к нему местности, особенно на запад от Волги, на обширном пространстве приблизительно до Рязани и Воронежа в нынешних губерниях Симбирской, Пензенской и Тамбовской [1]).

---

[1]) Материалы, стр. 80—83; 94, 99, 205—207, 122, 148, 155, 239, 124, 120, 121, 206 и др. Ср. Соловьев, т. XI, стр. 441, 433 443; Попов, „Беседа“, т. II, стр. 29; Костомаров, Собр. сочин., Спб., 1903 г., т. I, стр. 471.

IV.

Стенька Разин, как типический представитель казацкой „голытьбы“ или „воровских“ казаков и его влияние на этот разряд казачества, а также и вообще на неимущие слои населения. Общественный идеал, стремления, интересы и вкусы Разина с товарищами и народных масс, обозначившиеся во время мятежа.

Если мы теперь припомним то, что сказано было выше о причинах возникновения недовольства в нисших классах населения, то мы поймем, почему мятеж распространился на такой широкий район: это сделали те же, отмеченные выше, тяжелые политические и социальные условия существования русского народа и в частности восточной окраины. Но и при таком объяснении Разиновщины, как сильного обострения хронической народной оппозиции государственному и общественному порядку, вовсе не сводится к нулю историческая роль того лица, которое явилось вождем движения. Крупная историческая роль Разина не подлежит ни малейшему сомнению.

Стенька Разин обладал всеми физическими и психическими данными, чтобы оказать могущественное влияние на толпу, вызвать ее подражание. Обладатель физической мощи древнего исторического богатыря, Разин совмещал в своей

психике острый, умеющий пользоваться обстоятельствами, ум с необузданным чувством и непреклонной волей. Это была натура столь же широкая, как необозримая, ее породившая, русская степь. Это несомненно был один из тех самородков, которые иногда выбрасываются из таинственных недр народной жизни на ее поверхность и поражают наблюдателя преимущественно какою-то истинно богатырскою неукротимостью воли. Постоянная кровавая борьба, постоянное искание добычи, в чем веками упражнялось наше казачество, постоянные опасности и беззаботно-презрительное отношение к своей и чужой жизни и смерти, создавая, путем наследственности, самородки воли, в то же время и закаляли их до такой твердости, что смять их, согнуть не оставалось никакой возможности: их можно было только разбить чем-нибудь более крепким, более громоздким... Разин и был таким прирожденным и закаленным условиями жизни и среды стальным характером, богатырем воли и действия. Этого уже было достаточно, чтобы стать головой выше толпы и внушить ей уверенность в успехе того, на что такой богатырь ее звал... Но Разин представлял нечто большее: он был сильным и ярким выразителем оппозиционного настроения народных масс; он видел, что пришло время, когда можно посметь и решиться на многое, ибо голытьбы на Дону становилось слишком обильно и от нее на Дону становилось слишком тесно. Народная песня знает и помнит тяготение Разина именно к голытьбе.

„Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думы не думывал,

Ходил—гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голытьбою".

Естественно, голытьба, видя, что Степанушка радеет об ее интересах, сама стала тяготеть к Разину, сделала его своим кумиром и вождем. Песня подчеркивает эту тесную связь Разина и голытьбы на почве кровных интересов и вкусов последней, на почве той пропаганды, которую вел Степанушка среди „кабацкой голи":

„Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять;
Разобьем, братцы, басурмански корабли—
Возьмем мы казны сколько надобно!"

Этот призыв, понятно, не мог не иметь успеха среди тех, к кому он обращался. Грабеж это — ближайшая цель, на которую устремлялись вожделения „вольницы". Эти „братцы" были прежде всего добычники, не стеснявшиеся в средствах. При этом убийство являлось обыкновеннейшим из путей, ведших к приобретению чужой собственности, вследствие чего, кроме привычного грабителя, из удалого доброго молодца получался привычный убийца. Вся вольница была скора на убийство, но и в среде этих закаленных злодеев были такие, которые выдавались особенною свирепостью, доставлявшею им страшное имя... Имя Стеньки Разина скоро, по получении им известности у „голи кабацкой", затмило мрачную славу всех остальных атаманов. Разин отличался какою-то капризною причудливостью в своих поступках и тем еще более поражал воображение окружавшей его толпы. Приведем несколько примеров, показывающих, что

в необузданной жестокости Разина было много нездорового, ненормального... По взятии Астрахани Разин побил многих начальных людей, в том числе и астраханского воеводу кн. Прозоровского. После убитого воеводы осталась вдова с двумя сыновьями — 16 и 8 лет; Разин потребовал к себе сначала старшего и, допросив его о казне, собиравшейся в Астрахани с торговых людей, приказал его повесить за ноги на городской стене вместе с подъячим, повешенным за ребро; после того был отнят у матери и младший и повешен тем-же образом, как старший; на другой день от Разина последовало новое распоряжение—старшего Прозоровского сбросить со стены, а младшего снять, высечь и отдать матери. Не просто, а с выдумкой „казнил" Разин, и эта повадка вызывала подражание в его вольнице. Не даром, как рассказывают, казаки начиняли женщин порохом и, поджигая его, увеселялись получавшимся эффектом. Необузданный разгул, которому предавался Разин со всем своим войском, несомненно являлся ближайшей патологической причиной многих бесцельных злодейств, совершенных ими. Ведь это была „голь кабацкая", приобретшая казны „сколько надобно", которую надобно было пропить. Ведь и за добычей эта „голь" бросилась прежде всего потому, что состояла из гуляк и отчаянных голов, готовых на все, лишь-бы удовлетворить своему неудержимому желанию развернуться во всю ширь своей буйной натуры. И народная песня, и исторический акт знают этих людей такими:

„Что пропились, робятушки, промоталися,
Во косточки и в карты проигралися,

На что-то мы, робятушки, понадеялись?
Понадеялись мы, робятушки, на сине море,
Что на синее море, Хвалынское!“ [1])

Пойманный „гулящий человек вор Стенька Филиппов“ показал: „он, де, был под Астраханью в воровстве и дуваны имал, а грабленые, де, животы, которые ему Стеньке доставались с дуванов, все пропил и проиграл“ [2]). И подобными Стеньками были все в дружине самого большого из них Стеньки Разина. Все эти „добрые молодцы“ почти постоянно были пьяны. А в этом вечном пьяном угаре замирали последние проблески чувства жалости и сострадания, и из глубины, отуманенной зеленым вином, души поднимался накопленный веками горький осадок классовой ненависти, поднимались одни разрушительные инстинкты. В таком состоянии Разин по временам впадал в какой-то экстаз прихотливой необузданности и, вероятно, в один из подобных моментов сильного возбуждения Разин утопил в Волге свою любовницу, персидскую княжну. Этот всем известный эпизод не лишен некоторой театральной картинности, позы, и историческую достоверность его можно было бы заподозрить, если бы о нем не свидетельствовали два самых разнородных источника—рассказ иностранца—современника и почти очевидца события—и народное предание. Катаясь однажды на струге под Астраханью и разгоряченный вином, Разин внезапно вскочил, схватил сидевшую рядом с ним красавицу-персианку и, обра-

---

[1]) Песни, собранные Киреевским, вып. 8, стр. 315.
[2]) Акты историч., т. IV, стр. 410.

тившись к Волге, сказал: „Волга, ты славная река, ты доставила мне много богатства, злата и серебра, ты отец и мать моей известности, и я до сих пор ничем не одарил тебя, не останусь более неблагодарным“. И, схватив княжну одной рукой за горло, другой за ноги, бросил ее в Волгу. Большею частью Стенька убивал начальных людей, приказывал над ними „надругаться всячески, колоть и сажать в воду“; но иногда он придумывал иные необычайные наказания. Так во время первого своего набега на Волгу, захватив здесь царский струг, Разин по отношению к главному на нем служилому человеку ограничился тем, что приказал снять с него платье и нагого оставить его на песке, на берегу Волги, „с государевою казною“ [1]).

Понятен был Степан Тимофеевич своим „робятушкам“, а потому и люб. Он был крупною, мощною фигурой, но все-таки он был плотью и кровью казацкой вольницы, отличаясь от нее только размерами своего ума и воли и ничем более. В свободное от казацкого „промысла“ время Разин не прочь был сходить на богомолье в отдаленный монастырь; так есть известие, что он паломничал в Соловки, может быть, отчасти и для разведок о том, что говорят в народе и вообще о положении дел в Московском государстве; но некоторое почтение к обычаям православия не вытекало у Разина из глубокого религиозного чувства и легко превращалось в неуважение религии. Собственно индиферентист в „вере“, увлекаемый ненавистью к существовавшему в Московском государстве

[1]) Материалы, стр. 6, 22.

укладу жизни, Разин пред своими сподвижниками относился резко-отрицательно к церкви, ее обрядам и представителям, проповедуя, что можно обходиться и без церквей и попов, а браки совершать под деревьями [1]). Товарищи Разина были подобных же воззрений и настроения: в воззрениях у них много было общего с остальною Русью, а настроение, как у людей, вырвавшихся на волю, было очень капризно и нередко шло в разрез с усвоенными от отцов и дедов обычаями. В указанной однородности понятий и настроения Разина с его товарищами заключалась его сила, так как во взаимном понимании был лучший залог его „воровских“ успехов; но в этом-же, как увидим, обнаружилась и его слабость, ибо ничего более того, что могло дать казачество русскому народу, не мог дать и сам талантливейший вождь вольницы.

Привязав к себе голытьбу своею личностью и своими подвигами в добывании вместе с нею казны „сколько надобно“, Разин сам считал себя признанным вождем этой части донского казачества. Вот как вел себя „Степанушка“ на Дону по отношению к атаману домовитых ка-

---

[1]) Sentence de Mort contre Stenko Razin: ...„et lors que vous etiez sur la rivière de Don, vous blaphemâtes contre le saint nom de notre Sauveur Jesus-Christ, deffendant de batir des eglises et de faire le divin service dans celles qui estoient dejà bâties, chassant tous les prestres et empeschant que l'on se mariast avec les ceremonies usitées dans le christianisme; mais voulant que sans autre formalité les mariages s'accomplissent sous des arbres“. (Материалы, стр. 228; „взято из современной книжки: Relation des particularités de la Rebellion de Stenko Razin с удержанием правописания и знаков препинания“).

заков Корниле Яковлеву и к царскому посланцу в то время, когда Разин был человеком уже с громкою славою, успешно погулявшим и по морю — в Персию, и по Волге, человеком, наведшим страх и трепет на астраханских воевод и заставившим серьезно с собой считаться московское правительство... Войсковой атаман Корнило Яковлев собрал круг, чтобы выбрать станицу для посылки в Москву вместе с царским посланцем Евдокимовым. Последний привез донскому войску государеву грамоту, в которой хвалилось казацкое звание, спрашивалось о здоровье атаманов казаков и обещалась присылка обычных запасов. Эта грамота была прочитана в предшествовавшем кругу, в котором Разина не было; на новое же собрание он явился, вошел в круг со своими казаками и спросил: „Куда станицу выбираете?“ Ему объяснили. Тогда Разин велел привести Евдокимова в круг, и это было исполнено. „От кого приехал?—спросил Разин Евдокимова, — от великого государя или от бояр?“ — „От великого государя с милостивою грамотою“, отвечал тот. Этот ответ взорвал Разина. Закричав на Евдокимова, что он приехал не с грамотою, а лазутчиком, и изругав царского посланца, Стенька бросился его бить, а избив „до полусмерти, посадил в воду в Дон-реку“. Тут, наконец, выступил оффициальный глава донского войска, атаман Корнило Яковлев и начал говорить Разину, что он „так учинил непригоже“. Атаман „воровских казаков“ не потерялся: он пригрозил Корниле Яковлеву тем же, что постигло царского слугу, и сказал: „Ты владай своим войском, а я владею

своим войском [1]). И Корнило Яковлев с домовитыми должен был признать факт существования на Дону другого казацкого войска со особым, своим вождем. Подобные сообщенному поступки Разина внушали его товарищам убеждение, что он все может, и давали тон и направление всему развивавшемуся среди голытьбы движению. Когда же Разин начал брать волжские города и, истребляя воевод, дьяков, дворян, детей боярских и приказные дела, приступил к установлению казацкого порядка, то и вообще нисшие классы населения стали верить, что наступило время освобождения от всех тягостей московского государства, от воевод, приказных и помещиков. Ласковое отношение и безмерная щедрость Разина к бедному, простому люду довершали очарование нисших общественных слоев могучим атаманом, славным небывалыми успехами и подвигами; вместе с тем народ еще более проникался уважением к казацкому строю жизни. Освобождая ссыльных, давая судовым рабочим волю—иди, куда хочешь, —или принимая их в казаки [2]), Разин во время первого своего набега на Волгу за „зипунами“ приобрел любовь к себе всех меньших людей, неимущих: в его ватагу шли охотно [3]). Во время второго, гораздо более серьезного похода на Волгу, походившего уже не столько на разбойничье, сколько на анти-правительственное и анти-общественное казацкое предприятие, Разин приветствовал вы-

---

[1]) Материалы, стр. 191, 195 и 196,
[2]) Материалы, стр. 21, 22.
[3]) Материалы, стр. 23; ср. Костомаров, стр. 431.

сланных против него стрельцов так: „Здравствуйте, братья! Мстите теперь вашим мучителям, что хуже турок и татар держали вас в неволе: я пришел даровать вам льготы и свободу. Вы мне братья и дети, и будете вы так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храбры". Подобные приветствия производили на толпу потрясающее впечатление: толпа верила, что она действительно — братья и дети, а Степан Тимофеевич — батюшка. „Здравствуй, наш батюшка Степан Тимофеевич", — кричала она, и этот крик с „матушки" Волги громким, внятным эхом отозвался в самых отдаленных уголках русской земли и заставил затрепетать радостью ожидания сердца черного люда. Говоря вообще Разин был силен тем, что объявил народу освобождение, волю. Разин говорил, что он не хочет быть царем, а стремится только к добру и пользе для всего народа. Добро и пользу он понимал, разумеется, по своему, по казацки. Приобретение имущества высших классов и разделение этого имущества поровну между собой было ближайшим стремлением Разина и его казаков, а за ними и всех неимущих, обездоленных людей. Казаки дуванили добычу, и иного идеала распределения имеющихся в обществе ценностей они не могли предложить и простому народу. К тому же такой взгляд на распределение имуществ находил полное признание, как самый правильный, и в народных массах, вытекая из убеждения, что бояре, приказные и купцы наживают богатства неправедными путями, что все они — лиходеи народные... Второе, к чему стремился Разин с товарищами, это — введение казацкого устройства повсюду, обра-

щение всего народа в вольных казаков, и это казацкое стремленне вполне совпадало с симпатиями, каковые питал к казачеству каждый простой человек на Руси, хорошо испытавший на себе воеводско-приказное управление с его способной разорить всякого ужасной „московской волокитой". Разин отлично знал ненависть народа к этой волоките, ко всякой приказной бумаге, почему так усердно и жег приказные дела, вызывая тем к себе громадное народное сочувствие. Этими своеобразными ауто-да-фе Разин как-бы хотел отпраздновать свое м е с т н о е торжество над старым приказным, бюрократическим порядком и наступление нового казацкого порядка. Действительно, во всех взятых Разиным городах вводилось казацкое устройство: все население города составляло круг, который пользовался распорядительной властью; он выбирал атаманов, есаулов, сотников и десятников, сообразно с казацким административно-военным разделением города на тысячи, сотни и десятки.

И так, казацкие дуван и круг с выборным атаманом во главе—вот идеал Разина и его вольницы. Этот идеал, вообще совпадавший с понятиями, чувствами и вкусами нисших классов, вызывал к себе народную симпатию главным образом потому, что он нес с собой „волю", освобождение городских черных людей от тяжелых финансовых повинностей, от произвола приказно-воеводского управления, от притеснения богачами-купцами, освобождение боярских людей и крестьян от холопской и крепостной зависимости, освобождение всех, подпавших под тот или другой гнет в боярско-владельческом царстве. Коренной интерес низов на-

селения сводился прежде всего к освобождению, а потом к приобретению, к тому, чтобы стать не только вольным, но и богатым, как Стенька Разин. Вождь вольницы это и обещал народу. В своих обращениях к народным массам Разин твердил: „идет, де, он установить на Руси казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен". Удивительно-ли, что воззвание такого рода имело великий успех в нисших слоях населения повсюду, куда доходили „прелестные письма" Разина, распространяемые его агентами, или же просто долетала слава о невиданном казацком атамане, разносимая по всей Руси стоустой молвой. Брожение сказывалось в самой Москве: и там чернь ждала с нетерпением провозвестника „воли" и всего доброго для простого народа, говоря, что Разин вовсе не вор. „Народ,—толковали в Москве,—должен встретить его с почестями, с хлебом и солью" [1]). Пропагандируя казацкий уклад жизни, Разин, однако, не мог не считаться с двумя большими силами Московского царства: с двумя государями, светским и церковным, царем и патриархом. Дело в том, что в широких народных массах, в городе и селе с давних пор жило убеждение, что всякие тягости и притеснения идут на народ не от царя, а от бояр, злоупотребляющих царским доверием, заслоняющих царя от народа; бояре прямо-таки держат царя в неведенье и даже в неволе, сам же царь—носитель только правды и справедливости, в его руках праведный суд и оборона народа; но до царя далеко, все равно, как до Бога высоко.

---

[1]) Костомаров, стр. 471.

Правда, не всегда и не везде выражалось такое убеждение; на царя, как мы видели, и сердились по временам, но ведь и на Бога иногда сердятся, однако это не мешает иметь к нему культ; так и огорчения от царя и на него досада в общем не мещали русскому народу питать к царю чувства, аналогичные с религиозным культом, чувства благоговения и страха. В виду этого, Разину ничего не оставалось, как объявить народу, что царь находится в неволе у бояр-изменников; отсюда вытекала необходимость итти против бояр-изменников для освобождения и царя; таким образом и особа царя была включена в разряд всех, нуждавшихся в освобождении. Стрельцы, высланные против Разина, охотно верили, когда слышали от казацкой дружины такие речи: „Вы бьетесь за изменников, а не за государя, а мы бьемся за государя“ [1]), и переходили на сторону Разина или, согласно этому заявлению,—„государя“. Поверить об изменниках было не так трудно, ибо бывало, что и сам царь, как было указано выше, иногда повелевал своим доверенным служилым людям „оборонять“ народ от бояр. Теперь выходило не очень ясным одно: какое положение займет царь по введении казацкого общественного устройства,—должен-ли он будет обратиться в вольного казака или батюшка Степан Тимофеевич принужден будет уступить царю пост главного атамана; но Разин не заботился об особой ясности своей политической программы; да и к царю лично относился не очень почтительно, когда хвалился, что он сожжет „на

---

[1]) Материалы, стр. 7.

верху у государя" все дела. Товарищи Разина не отставали от него и в Астрахани про царя говорили такие речи, что, как показывалось на допросах, и „помыслить страшно". Разин стремился прежде всего поднять народные массы, и ради этой ближайшей цели пускал в ход все средства, бывшие у него под рукой. Заявлением, что идет за государя, Разин, зная народное отношение к царю, хотел до известной степени легализировать начатое им движение. В этих именно видах Разин распространял, что у него на стругу находится царевич Алексей, незадолго до того умерший.

Но у вождя вольницы было желание придать движению санкцию и со стороны духовной власти, со стороны великого государя-патриарха, большого значения которого тоже нельзя было игнорировать, и вот пущенная молва добавляла, что, кроме царевича Алексея, на разинском струге находится еще патриарх Никон, незадолго перед тем лишенный сана и живший в заточении в Белоозере в Ферапонтовом монастыре. На патриарха Никона у казаков еще до начала движения были виды: трое богомольцев с тихого Дона по пути в Соловки заходили к низверженному патриарху и звали его с собой на Волгу. Никон, разумеется, на Волгу не пошел, на „ту,—как он говорил,—воровскую прелесть не подался", но понял, что готовится большое „воровское собрание" и, умолчав о приходивших к нему казаках, пропавших „неведомо куда", предсказывал тогда о смятении и кровопролитии, яко бы возвещенным ему самим Божеством. Этот эпизод с Никоном любопытен в том отношении, что здесь вскрывается, как будто бы, попытка ка-

заков к освобождению из неволи и того, кто был некогда „собинным приятелем“ царя Алексея Михайловича.

Если пропаганда борьбы с изменниками-боярами за государя имела все шансы на успех, то надежды, возлагавшиеся на молву о присутствии при Разине патриарха Никона, являлись мало основательными, ибо уже начался раскол, и Никон был непопулярен в народе вообще и в особенности среди оппозиционных его элементов. Таким образом, в данном случае Разин, лично слишком индиферентный к вопросам веры, не уловил отрицательного народного отношения к патриарху-осквернителю церкви „новшествами“ и, намекая на солидарность с ним патриарха Никона, сделал крупную политическую ошибку.

Так обставлена была Разиным пропаганда восстания против государственного и общественного строя Москвы.

Чтобы дать народу свободу в казацких формах, Разин прежде всего предпринял истребление бояр, дворян, детей боярских, приказных, истребление вообще всякого чиноначалия и власти, о чем он и заявлял лично и в прокламациях. Так под Царицыным, в кругу, Разин говорил „всем своим казакам, чтоб им итти вверх по Волге, под государевы городы и воевод из городов выводить или б итти к Москве против бояр“. Предложение Разина было принято кругом [1]). Казацкая программа действий хорошо характеризуется и следующим приговором астраханского круга (по введении в Астрахани ка-

---

[1]) Материалы, стр. 15.

зацкого устройства): „атаманы, и все донские, и астраханские, и терские, и гребенские казаки, и пушкари, и затинщики, и посадские люди, и с гостина двора торговые люди, написали меж собой письмо, что жить здесь, в Астрахани, в любви и совете, и никого в Астрахани не побивать и стоять друг за друга единодушно, и итти де им вверх и побивать и выводить изменников-бояр“ [1]). Эта резолюция была составлена кругом после того, как уже много начального люду погибло от казаков в Астрахани. Истреблялись начальные люди и в других местах, хотя и не все поголовно: „выводились“ те воеводы и приказные, которые были „облихованы миром“, но таких облихованных оказалось огромное большинство; лишь очень немногие были „одобрены“ и остались в живых. Во всяком случае в движении отчетливо обозначалось стремление не только ввести новый порядок, но и произвести суд над наиболее виновными, по мнению „мира“, представителями старого порядка, свести с ними старые счеты. Под влиянием успехов Разина, под влиянием его пропаганды при помощи „прелестных писем“, движение с быстротою сильнейшей эпидемии распространилось по обширному, известному нам, району. В селах и деревнях крестьяне начали истреблять владельцев и их приказчиков. Как в городах, так и в уездах убийства сопровождались грабежом, пьянством и развратом. Разинское настроение было в этот момент неотразимо. Оно всецело захватило даже иных церковно-священно-слу-

---

[1]) Акты историч., т. IV, стр. 433.

жителей; так, напр., поп Савва да 18 крестьян из разных сел, пристав к казакам, бились со служилыми государевыми людьми, „бунты многие заводили, домы грабили и многим женскому полу чинили поругание, а иных запытали до смерти“ [1]). Вообще, припоминая события и „деяния“ разинского движения, мы должны согласиться, что оно запечатлено стихийно-анархическим характером. В этом и заключается одна из главнейших причин, что в конце концов движение постигла неудача.

Отрицательная тенденция изучаемого движения —истребить бояр и отмстить сильным и имущим людям за все политические и социальные несправедливости превалировала над положительной — образовать, вместо московского государства, гигантское казацкое общество-царство. Затем, самая положительная уравнительная тенденция не только стояла в противоречии с буржуазными инстинктами всех, мало-мальски экономически правоспособных общественных элементов в московском государстве, но и мало согласовалась с фактическим состоянием домовитого казачества. Равенство, провозглашенное Разиным, было идеалом казачества в его чистом виде, казацкой вольницы, но к нему несочувственно относилась казацкая буржуазия. Могло-ли после этого казацкое устройство, в основе коего был положен принцип полного равенства, могло-ли оно иметь прочный успех в обществе, проникнутом до самых недр своих социальным неравенством, в обществе, в котором социальное неравенство было базисом?.. Конечно, нет. Самое большее,

---

1) Материалы, стр. 107.

чего можно было ожидать, это то, что случилось: мимолетный успех казацкого устройства у неимущего населения во взятых казацкой вольницей городах... Буржуазное общество во-время спохватилось. Когда восстание народных обездоленных масс разлилось широко и сделалось грозным, это общество московского государства поняло, что речь пошла о самосохранении, и тогда оно напрягло все свои организованные, плохо-ли, хорошо-ли, но организованные силы и подавило стихийное народное восстание, начатое казацкой голытьбой и бывшее в последнем счете обостренным проявлением борьбы неимущих с имущими.

Таковы важнейшие черты Разиновщины.

Заключение: социологическое и психологическое значение Разиновщины.

Теперь, в заключение, подчеркнем две стороны этого сложного явления. Разиновщина прежде всего явление социологическое. Начало ее, относящееся к 1668 г., характеризуется, как простой казацкий набег за добычей на Волгу и на море; но избыток голытьбы на Дону, давший возможность „собраться“ сильной „воровской“ шайке, продолжал благоприятствовать ее предводителю, и он в 1670 г. предпринял уже не с шайкой, а с целым казацким войском борьбу против государства. С государством казацкая голытьба вообще не могла примириться: его устои находились в полном противоречии с

обычаями казаков, главным образом с обычаем более чем беспечно относиться к чужим „зипунам", к чьей бы то ни было собственности; но государство осязательно давало себя чувствовать и вообще простому народу, вследствие чего казацкое движение, имевшее ближайшею целью свои интересы — добычу, совпало с интересами низов городского населения и обратилось в восстание городов против боярско-приказной администрации. Следующею стадиею движения является возмущение крестьянской русской и инородческой массы против того же боярско-приказного управления, а также и против помещиков; таким образом, движение, из чисто разбойничьего превратившись в политическое, под конец получило и социальный оттенок. „Воровское собрание" на Дону около Разина никогда бы не развилось в движение политического и социального характера, если-бы не народное недовольство, вызванное тягостями политического режима и социального быта, если бы не готовность народных масс подняться против тех, кого он считал виновниками всех своих бед. Возбужденный смелым предприятием голутвенных казаков, народ поддержал Разина и тем самым создал Разиновщину, но у Разина и казацкой вольницы не оказалось достаточных материальных и духовных сил поддержать народ, и последний ничего не получил от Разиновщины, кроме нового горя по подавлении мятежа.

И так, изучая Разиновщину, мы можем уяснить себе, как бездомная часть казачества и нисшие слои населения реагировали на тяжелое положение народных масс в московском государстве XVII-го века. Лишенные возможности повлиять на харак-

тер управления и ход законодательства на легальной почве, эти массы, вслед за казацкой вольницей, перешли на нелегальную или, по оффициальному выражению того времени, на „воровскую“ и высказались по казацки — „воровским обычаем“ и соответственно ниской степени культуры задавленного государственным и социальным ярмом народа... Это — одна сторона вопроса. Другая заключается вот в чем. Разиновщина, ничего не изменив в условиях политического и социального существования народа, оставила глубокий след в народной психике. Будучи произведением известного настроения масс, созданного действовавшими с давних пор общими условиями жизни, а также и ее новыми явлениями и событиями, Разиновщина оставила после себя яркие и любимые воспоминания. Разиновщина, мы знаем, была крупным обострением хронической народной оппозиции, и когда этот момент процесса прошел, то она, благодаря воспоминаниям, сделалась психологическим элементом не исчезнувшей, с подавлением мятежа, народной оппозиции, психологическим прецедентом, способным, при подходящем случае, оживлять разинское настроение в народе. Таким образом, под термином „Разиновщина“ можно разуметь не только определенную политическую и социальную борьбу, известный исторический факт, но и определенный комплекс чувств и стремлений, вызываемый живущими в народе воспоминаниями о знаменитом вожде „голи кабацкой“, „голутвенного“ казачества и черного, простого народа.

Мрачные картины казацких зверств и насилий потускнели в народной памяти, но народ запомнил,

как Разин с товарищами „попили, поели, поцарствовали, а потом на отвал пошли“: запомнились богатство и слава Разина и его обещание дать волю и богатство всем беднякам... И вот за все это народ в своей песенной поэзии поставил „батюшку“ Степана Тимофеевича высоко, выше даже любимого своего древнего богатыря Ильи Муромца: сам матерой старый казак Илья оказался у „Степанушки“ только в есаулах. В Разине олицетворился народный идеал физической и духовной мощи „вольного“ человека. Этот громадный размах воли Разина, не знавшей, казалось, никаких препятствий и дерзнувшей на многое, на что не способен пойти обыкновенный человек, произвел на народ особенно сильное впечатление. Разина и при жизни народ считал колдуном, чародеем, и эта репутация так и осталась за ним в народных песнях и в преданиях. Народ знает, что Разин был великий грешник, и думает, что его за грехи земля не приняла и что он придет снова, когда „на Руси грехи умножатся“; но в общей народной оценке Разин не злодей, а добрый молодец, батюшка Степан Тимофеевич или Степанушка, а его товарищи не разбойники, а только „Разина работнички“, и песня отмечает тяжелую скорбь тихого Дона по поводу поимки и казни любимого атамана.

„Помутился славный, тихий Дон
От Черкаска до Черного моря!
Помешался весь казачий круг:
Атамана боле нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича, по прозванью
Стеньки Разина.

Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,

Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

С глубоким сочувствием относится песня и к гибели Разинцев.

„Вы, дружья ли наши, братцы товарищи!
Леса наши все порублены,
А кусты наши все поломаны,
Все станы наши разорены,
Все дружья наши товарищи переловлены,
Во крепкие тюрьмы наши товарищи посажены,
Резвы ноженьки в кандалах заклепаны,
У ворот-то стоят грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки:
Никуды-то нам, добрым молодцам,
ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску из крепкой тюрьмы [1]).

Сочувствие к Разину и его товарищам, которое вообще слышится в народной песне, собственно и знаменует, что Разиновщина, как настроение, не исчезла из народной души, и в ней находят отклик и гордые, властные слова песенных Разинцев про свою беззаветную удаль и силу:

„Мы веслом махнем—корабль возьмем,
Кистенем махнем—караван собьем,
Мы рукой махнем—девицу возьмем".

6-го июня 1671 г. в Москве на Лобном месте воровской атаман Стенька Разин был четвертован, а в 1688 г. на Дону, где домовитое, буржуазное казачество было отблагодарено московским правительством за выдачу Разина, проснулось ра-

[1]) Песни, собранные Киреевским, т. II. стр. 157.

зинское настроение или, по выражению историка Соловьева, „разинским духом“ снова запахло: Москве отсюда грозили новым восстанием, какое было при Разине [1]).

Прошло сто лет.

Мир опять закачался: донской казак Пугачев подарил России Пугачевщину. Однако Пугачевщина не затмила собой Разиновщины. Кроме факторов социальной жизни, произведших новую государственную встряску, здесь большое значение имела и коллективная психология: в народе был жив „разинский дух“.

Прошло еще сто лет.

Юго-восточные окраины давно уже были скованы с центральными областями прочною военно-административною цепью. „Зипуны“ и многое другое стало можно добывать на Волге кому угодно, только не „голи кабацкой“. „Грозные сторожи, бравые солдатушки“ крепко берегли сильно выросшие города, давившие своим величием всю окружающую их, по прежнему серую, забитую нуждой и невежеством народную массу. Казалось, где тут уцелеть в народе „разинскому духу“? А между тем „разинский дух“, хотя и выродился, но не исчез... Это мы все недавно узнали от прогремевшего на весь мир писателя, который подметил „разинский дух“ в современной „голи кабацкой“ и изобразил его в ярких, живых типах. Недаром всем известный Коновалов Максима Горького с таким страстным вниманием, а под конец в непреодолимом волнении, перешедшем в нервный припа-

---

[1]) Дружинин. Раскол на Дону, стр. 173.

док, слушал чтение книги Костомарова о бунте Стеньки Разина. Вот где приютился „разинский дух“, когда не стало для него ни речного, ни морского простора, „на дне“ жизни, по образному выражению того же писателя. Здесь „разинский дух“ попал в бо́льшую неволю, чем в старинных московских тюрьмах, в неволю запоя и мелкой, гаденькой, растлевающей более, нежели пьянство, жизни босяцкой ночлежки; здесь никого не надо стеречь: отсюда и так не убегают... К тому же теперь и некуда больше бежать, и у „кабацкой голи“ нет уже той, манившей необъятным простором и волей перспективы, на которую всегда могли рассчитывать „добрые молодцы“ старой Руси и на которую бросают поэтический отблеск эти слова разинской песни:

„Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по диким местам“.